

Бойко В.В.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА КРЫМСКОЙ АССР 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА КАК ОРГАНЫ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Земельные общества Крыма 20-х годов XX века являются одной из совершенно не изученных тем. В качестве основной причины такого положения можно указать методологическую ограниченность проводившихся ранее исследований, когда единственно верными, «подлинно социалистическими» формами хозяйствования на селе считались колхозы и совхозы, развитию которых и посвящались десятки страниц исторических трудов. На земельные общества – объединения единоличных хозяйств – смотрели как на нечто отживающее, временное, а потому и недостойное пристального внимания и изучения. Между тем, о роли и значении земельных обществ в крымской деревне можно судить по высказываниям современников. Начальник Управления землеустройства Наркомзема Крымской АССР Леонов докладывал: «В земельные общества втянута большая часть крестьянства; говорить о работе земельных обществ – это значит говорить о работе крестьянства... Земельные общества среди крестьянства имеют довольно значительный вес». «Вопрос – что сделано земельными обществами равносителен вопросу – что сделано крестьянством». Вот мнение председателя Совнаркома Крыма Дерен-Айерлы: «...надо обратить внимание на работы в земельных обществах... которые являются безусловно очень важными организациями и которые имеют большое значение в смысле непосредственного руководства крестьянской жизнью, имеют больше значения, чем сельсоветы» [1].

В данной работе мы попытаемся восполнить указанный пробел и проанализировать деятельность земельных обществ Крыма, реализацию их полномочий на практике, определить их место в социальных отношениях и системе власти в деревне.

В результате окончания межселенного землеустройства к концу 1926 года 1813 земельным обществам с общинным порядком землепользования было выделено 1703351 га земли и еще 13 земельным объединениям с участково-подворным порядком землепользования – 1886 га, что составило 92,5% земель трудового пользования, переданных крестьянам. Таким образом, в Крыму насчитывалось свыше 1800 земельных обществ, хотя не все из них были официально зарегистрированы. Регистрация их началась в связи с переходом к внутриселенному землеустройству после утверждения на заседании Коллегии НКЗ Крыма от 6 августа 1924 года форм учредительного приговора и примерного устава земобщества. Известно, что на 1 мая 1927 года было зарегистрировано 1049 земельных обществ [2]. По количеству входивших в их состав дворов крымские земобщества были небольшими: в среднем, 40-45 домохозяйств. Это определялось малым размером деревень, так как чаще всего территория земобщества совпадала с территорией деревни. Реже встречались случаи, когда в одном селе существовало несколько обществ, но были и единичные ситуации, когда в состав земобщества входило несколько деревень, например, Деренкой, Ай-Василь, Аутка, Кореиз, Мисхор на ЮБК. Вообще южнобережные общества оказались наиболее многодворными: свыше 200, 300 и даже 400 домохозяйств [3]. Но в силу известных причин они были и наименее обеспечены землей в отличие от земобществ степного Крыма, особенно Евпаторийского района, где на одно общество приходилось 20-25 дворов.

Учреждение и официальную регистрацию земобществ чаще всего можно рассматривать как формальный акт, который лишь легализовал их деятельность в рамках существовавшего тогда законодательства. Земельные общества фактически были правопреемниками сельских крестьянских обществ, сельских общин, существовавших еще до революции. С.А. Усов приводит такие данные: в 1905 году в Крыму 185 общин с 14297 дворами владели 140494 десятинами земли; 135 крестьянских обществ владели 142650 десятинами земли; в 1905-1906 гг. на долю крестьянских обществ приходилось 17,2% всей арендованной земли; на Южном берегу 25,8% земли принадлежало сельским обществам [4]. Безусловно, после 1917 года все эти общины и общества сохранились и действовали. В архивных документах периода 1921-1924 гг. в приложениях к той или иной деревне часто встречаются такие понятия, как сельское общество, сельский сход, земельное общество, хотя официально они были легализованы позже.

Согласно Земельному кодексу в деревне созывался земельный сход, на котором принимался устав учреждаемого земельного общества и учредительный приговор. Если регистрация земобщества совпадала по срокам с проведением внутриселенного землеустройства, принимался также приговор о внутриселенном землеустройстве, в котором устанавливался порядок разверстания земель в обществе. Это были главные документы земобщества, которые должны приниматься большинством в 2/3 присутствующих на сходе домохозяев и подписываться всеми участниками собрания. В отношении приговоров такого рода норма закона, в основном, выдерживалась и подписывались они всеми присутствующими на сходе лицами. При принятии решений по другим вопросам вопреки требованиям статьи 56 Земельного кодекса и статьи 30 Устава земельного общества протоколы практически всегда подписывались лишь председателем и секретарем собрания. Зачастую при созыве земельных сходов не наблюдалось кворума. Конечно, при строгом подходе постановления таких сходов не имели юридической силы, но сельсоветы, райземотделы да и сам Наркомзем на это не обращали особого внимания. Такие юридические несоответствия в целом не лишали земельные сходы демократичности, а сами земобщества – влияния при решении важнейших вопросов крестьянской жизни. Об этом можно судить, анализируя протоколы общих собраний земобществ.

На основании статьи 51 Земельного кодекса Устав земельного общества предоставлял широкие пол-

номочия земельному сходу, который «а) устанавливает и изменяет порядок пользования угодьями в обществе, б) составляет Учредительный приговор о землепользовании и в случае надобности вносит в него изменения и дополнения, в) разрешает ходатайства о зачислении в Общество новых землепользователей со стороны и о выходе из Общества с землей, г) постановляет о производстве землеустройства, о переходе к коллективным формам землепользования, к общественной обработке земли, о переходе на широкие полосы, отруба и хутора, о разделе земли между частями Общества и проч., д) производит земельные переделы и разверстки согласно установленному порядку пользования землей, е) разрешает при чересполосном пользовании землей вопросы об общем севообороте, общей пастьбе скота и пр., ж) распоряжается угодьями общего пользования и свободными земельными участками, з) избирает уполномоченных по земельным делам и устанавливает порядок вознаграждения их и контроля над ними» [5]. На практике круг рассматриваемых на общих собраниях вопросов был значительно шире и выходил далеко за рамки решения земельных дел. В повестки дня земельных сходов наиболее часто вносились такие вопросы: о землеустройстве; заявления с просьбой о вступлении в земобщество; заявки в лесничество об отпуске леса; о выделении участка для школы; о водоснабжении (ремонте колодца, строительстве водовода и т.п.); проверка списков членов земобщества; выборы представителей на съезды, совещания по вопросам ведения сельского хозяйства; об общественном земельном фонде; о ремонте дороги; о сдаче и получении в аренду садов, виноградников, пашни, различного имущества и т.п.; утверждение протоколов заседаний Совета уполномоченных земобщества; заслушивание отчетов и проведение выборов земсоветов; о найме сторожа для охраны лесных участков, находящихся в пользовании земобщества, пастуха для выпаса общественного стада; об организации кузницы; о ремонте школы, заготовке топлива; о сборе средств на землеустройство и др. [6]. Во многих случаях земельные сходы решали вообще не свойственные им вопросы: об открытии избы-читальни; о назначении жалованья сельскому милиционеру; о заявлении учителя об установлении его учительского стажа для получения надбавки к жалованью; об удостоверении семейного и имущественного положения; о санитарном состоянии поселка; выборы опекунов для распоряжения имуществом сирот; об установлении почтового ящика и подписке на газету «Красный Крым» и т.п. Кроме того, местные ячейки ВКП(б) навязывали им рассмотрение идеологических вопросов: о международном положении и задачах Осоавиахима; о войне в Китае и т.д. [7].

Все это говорит о том, что между сельским советом и земельным обществом разграничения полномочий не существовало и полноправным хозяином деревни чаще всего оказывалось именно земобщество, а не сельсовет, о чем и говорил в приведенной выше цитате председатель Совнаркома Крыма. В выступлении на расширенном совещании в ОК ВКП(б) 9-11 ноября 1925 г. Дерен-Айерлы отмечал, что сельские сходы, которых к третьему кварталу 1925 года состоялось около 100 и где рассматривалось свыше 2 тысяч вопросов, проходят без всякого влияния со стороны как сельсоветов, так и сельских партячеек. Сельсоветы заранее не готовят повестки дня, крестьяне сами решают, какие вопросы им выносить на сход, поэтому и обсуждают те проблемы, которые для них актуальны и близки. Бывают случаи, когда рассматриваемые в сельсовете вопросы выносятся затем на общее собрание земобщества, которое может отменить постановление президиума сельсовета. В целом, на сельсовет крестьяне смотрят «...не как на свою организацию, кровную, близкую организацию, а как на правителей, на хозяев, на чиновников, смотрят, как на власть – не больше» [8].

Такая ситуация вызывала беспокойство со стороны властных структур. 14 марта 1927 года председатель ВЦИКа М. Калинин подписал «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях», в котором, в частности, указывалось: «На рассмотрение предусмотренных настоящим положением общих собраний (сходов) граждан не могут ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний членов земельного общества, действующих на основании раздела IV земельного кодекса РСФСР. На рассмотрение общего собрания членов земельного общества не могут ставиться вопросы, подлежащие рассмотрению общих собраний (сходов) граждан» [9]. Состоявшийся в декабре того же года XV съезд ВКП(б) принял партийную линию на подчинение земобществ сельским советам, которая и была закреплена в пришедших на смену Земельному кодексу «Общих началах землепользования и землеустройства».

Сельсоветы Крыма 1920-х годов действительно влачили жалкое существование. Вот некоторые из отчетов по обследованию положения в деревне, поступающих в Крымский ОК ВКП(б): «Сельсовета как такового не чувствовалось. Со стороны Председателя полнейшая бездеятельность, халатность, мягкотелость и отсутствие какой-либо определенной линии. Работа шла самотеком... Отсюда и по канцелярии, и по отчетности, и по имуществу сельсовета полнейший кавардак. Достаточно указать на такие мелочи, что сидели по шею в грязи и окурках, шкафы с делами и бумаги в канцелярии не запирались, все было в отлете. Кучер крыл председателя матом и говорил «что не твое дело вмешиваться к лошадям», которые жили сами по себе, а кучер за три версты, сам по себе». (Мол-Элинский сельсовет Джанкойского района). К Александровскому сельсовету того же района отношение со стороны крестьянства неудовлетворительное, что объясняется «...командованием, игнорированием актива, большой самодельностью и даже грубым отношением к населению...» Сельисполнители часто пользуются служебным положением в корыстных целях. Один, из деревни Самай Джанкойского района, скопил вначале хорошую траву, а затем объявил односельчанам о начале сенокоса. Другой – в деревне Биюк-Кият занимался погребением усопших: «В комнате его вместе с Николой чудотворцем висит весь в грязи портрет Ленина с пресвятой богородицей, картиной из журнала «Безбожник»... Организует похоронные процессии по православному обычаю, читает псалтырь и берет солидную плату. После пасхи он поминал покойников, собрал много пятаков, куличей и

яиц» [10].

В этих условиях в системе органов крестьянского самоуправления особое значение приобретают земельные советы, или советы уполномоченных земельного общества. Они выполняли функции управления повседневными делами земобщества. По Земельному кодексу, если территория земельного общества совпадала с территорией сельсовета, функции земсовета возлагались на него. До 1926 года количество сельсоветов было 143, что составляло около 8% от общего числа земобществ. После разукрупнения количество сельсоветов в Крыму увеличилось [11]:

Таблица 1.

Районы	Количество сельсоветов	Количество населенных пунктов
Джанкойский	94	457
Карасубазарский	31	119
Бахчисарайский	43	76
Керченский	59	167
Судакский	13	19
Севастопольский	21	37
Симферопольский	91	330
Евпаторийский	81	371
Ялтинский	23	30
Феодосийский	73	260
Итого по Крыму	529	1866

Как видим, количество земобществ в Крыму, в основном, соответствовало количеству населенных пунктов. Сельсоветы находились на территории почти 30% деревень, но охватывали, как правило, 3-4 и больше населенных пунктов, а значит, с территорией земобщества не совпадали. Однако можно допустить, что в тех селах, где сельсоветы располагались, они выполняли функции земсоветов, тем более что четкого разграничения их полномочий не было.

Справедливости ради заметим, что по уровню организации работы многие земельные советы ушли не дальше сельсоветов: «Зачастую работники не только малограмотные, но и совсем безграмотные. Делопроизводство, отчетность общая и денежная не везде на необходимой высоте». Ревизионные комиссии, которые должны контролировать деятельность земсоветов, в одних обществах не избираются вообще, в других – «...существуют только в качестве временных органов, избираемых только для обревизования какого-либо одного действия».

В большинстве же Земобществ Ревизионные комиссии хотя и существуют, но чисто формально» [12].

Стоит ли удивляться такому положению – в условиях малограмотности и низкой правовой культуры крестьянского населения другого ожидать не приходится.

О социальном составе земсоветов судить трудно из-за недостатка сведений. Известно, что в Симферопольском районе они на 70% состояли из бедноты. В марте 1926 года Ялтинский райземотдел сообщал, что в земельных советах района работают 7 женщин, из них 5 татарок и 2 русские: «В текущем году предполагается при пере выборах земсоветов провести широкую агитацию о вовлечении большего числа женщин в земельную работу»[13].

То, как должен действовать земельный совет, отстаивая интересы крестьян, можно рассмотреть на примере работы Совета уполномоченных Алуштинского земельного общества. В течение первой половины 1927 года им было проведено 8 заседаний, а также создано 6 общих собраний членов земобщества. Штатных работников было 3: председатель земобщества с окладом 100 руб. в месяц, бухгалтер с окладом 10 руб. в месяц и курьер, получавший 20 руб. месячного заработка. На заседаниях Совета уполномоченных рассматривались, в частности, следующие вопросы: утверждение договора с Алуштинским горсоветом по устройству водосборной галереи; заявления граждан о наделении их землей, сдаче в аренду земли; о разделе двора; об утверждении сметы доходов и расходов на полугодие; о немедленном погашении задолженности за землеустройство; ходатайство домохозяина об усыновлении своего внука; земельные споры и др. В марте земсовет обратился в Ялтинский РЗО с ходатайством о направлении к ним агронома для оказания помощи крестьянам. Уже в июле его работу заслушивали на Совете и признали неудовлетворительной, предложив «установить приемные часы для консультации при доме крестьянина, о чем объявить населению. Увязывать свою работу с участковым землеустроителем.

Возбудить ходатайство перед соответствующими органами о переводе агропункта ближе к городу» [14].

В конце 1926 – начале 1927 гг. между земельным обществом и горсоветом Алушты возник спор по вопросу землеотвода, причем Ялтинский райисполком и Наркомзем поддержали требования крестьян. В связи с этим конфликтом поднимался вопрос о понижении статуса Алушты и переименовании ее из города в село. Однако стороны разошлись миром, на совещании 1 ноября 1927 года было решено: «1. Считать возможным закрепление на бессрочное бесплатное пользование культурной землей в количестве 24 дес., находящейся в черте города, за крестьянами при условии обязательного компенсирования взамен городской земли землями, находящимися в местности Рабочего Уголка к черновским камням...

3. В связи с урегулированием вопроса земельного спора считать вопрос о переименовании Алушты из города в село потерявшим свою остроту и ликвидированным, а потому поставить вопрос перед КрымЦИ-

Ком об оставлении Алушты городом» [15].

Активность Совета уполномоченных Алуштинского земобщества выходила даже за рамки его уставных полномочий. На территории общества находилось 4 артели, и на заседаниях земсовета решались вопросы о приеме в члены и исключении из членов артелей и даже о самой работе этих коллективов. Например, на заявление артели им.Коминтерна о предоставлении ей подвала и двух комнат в бывшем имении Давыдова последовало предложение образовать комиссию и обследовать «жизнь и работоспособность» артели, определив при этом, насколько она нуждается в подвале. В отношении же артелей «Садовод» и «Восток» земсовет дал такое заключение: «Артели представляют из себя вполне здоровыми и работоспособными, следовательно Земельному обществу желательно их сохранение» [16].

В целом, рассматривая вопрос о взаимоотношениях членов земельных обществ с членами колхозов, говорить о серьезных проблемах в этой сфере не приходится. В марте 1927 года нарком РКИ Няшин указывал, что примерно к половине обследованных колхозов «...отношение со стороны крестьян иногда терпимое, иногда хорошее, к другой половине – или нехорошее, или совсем нетерпимое. Такие коммуны ничего кроме возмущения или издевательства над коллективным движением вообще у крестьян не вызывают». «По моему и по нашим материалам влияние колхозов на окружающее население очень незначительное. Я говорю именно о коммунах и артелях, они вообще мало себя проявили...» [17]. Это и неудивительно – как могли проявить себя такие колхозы, о работе которых отчитывался Бахчисарайский райком ВКП(б) в июле 1927 года: «среднее количество скота на один колхоз: лошадей – 3,4, волов – 1, коров – 5,5, овец – 7,2»? И это при том, что, как отмечают партийные функционеры, «...общее положение и мощь колхозов значительно увеличились...» [18]. Какими же были колхозы до «значительного» увеличения их «мощности»? И какова могла быть их роль в крымской деревне 20-х годов?

В системе органов крестьянского самоуправления можно выделить также общественные организации: собрания и группы бедноты, комитеты крестьянской взаимопомощи и т.п. В отношении этих организаций в деревне властным структурам Крыма также похвастаться было нечем. Дерен-Айерлы сетовал: «...комитеты взаимопомощи крестьян не удовлетворяют, поскольку в деревне существует кооперация, поскольку существуют земельные общества, крестьянское население главную часть своих работ проводит через эти организации, а на комитеты взаимопомощи обращает очень мало внимания» [19]. В сводках с мест в отношении Комвза чаще всего звучали эпитеты «нежизненные, бесполезные организации». Отдельные селения высказывались категорически против организации у них обществ взаимопомощи, мотивируя отказ их бесполезностью. В деревне Биюк-Онлар Симферопольского района «среди крестьян создалось мнение о необходимости ликвидировать Комвза и его функции передать земельным обществам как гораздо проявившим себя жизненнее» [20].

Земельные общества были так авторитетны потому, что они вполне соответствовали общинному духу крестьянства, корни которого столь глубоки в крымской, да и в российской и украинской деревне. Община известна своим консерватизмом, ее традиции были сильны и в 20-е годы. По-прежнему используется старинный принцип круговой поруки: «Мы, нижеподписавшиеся граждане дер. Арак-Аджи, обязуемся круговой порукой полученные семена направить по их назначению и по снятии урожая возратить семенную ссуду в насыпной пункт, в чем и подписываемся». «Круговую за каждого из себя порукой ручаются, что полученная ссуда будет обществом возвращена...» [21]. Без создания всяких комитетов крестьяне многих деревень помогали друг другу в проведении сельскохозяйственных работ. Например, в деревнях Таганашского сельсовета Джанкойского района на земельных сходах принимались решения о засеивании силами общества наделов безлошадных хозяйств. Важнейшим видом крестьянской взаимопомощи в деревне была супряга – совместная обработка земли с использованием средств производства в складчину. Председатель СНК Крыма Шугу указывал, что супряга в Крыму развита практически во всех деревнях, причем гораздо сильнее, чем в Украине [22].

В то же время общество исключало из своих членов всех, кто пытался противопоставить себя ему и не подчинялся требованиям общины. В апреле 1923 года на сходе деревень Сарылар-Китай и Фазыл-Китай Таганашского сельсовета было отклонено предписание сельсовета о принятии в общество граждан деревни Рогачик Мелитопольского уезда Бродецкого и Нестеренко. Мотив отказа таков: «...указанные лица являются для общества спорные члены против общества, т.к. нарушая постановление общества о нерушимости выгона под распашку... гр. Бродецкий и Нестеренко начинали распахать, а когда им было заявлено обществом, то гр-н Бродецкий заявил лично, что мы не признаем никакого общества» [23].

К сожалению, политика поддержки бедноты и разжигания классовой борьбы в деревне, проводившаяся в 20-е годы, разрушала естественный уклад крестьянской жизни, внося элементы дестабилизации в общинные отношения. 22 сентября 1927 года на заседании бюро Крымского ОК ВКП(б) была принята резолюция, в которой, в частности, Сельхозбанку предлагалось при кредитовании отказаться от принципа круговой поруки, а выдачу ссуд проводить дифференцированно по социальным группам деревни. Органы власти навязывали созыв собраний бедноты, которые должны были «обеспечить пролетарско-классовую политику и гибкость земельных органов (земельного аппарата, земельного совета и земельных уполномоченных), выделить бедняков и лучшую часть середняцкого актива на руководящую работу земорганов» [24]. Партийные органы строго следили за тем, чтобы собрания бедноты созывались в каждой деревне под руководством местных партячек, несмотря на имевшую место «нерешительность в деле организации бедноты» из-за боязни «разжечь классовую борьбу». В 1929 году отдел по работе в деревне ОК ВКП(б) всем деревенским ячейкам направил информационно-инструктивное письмо, в котором предписывалось

не допускать созыв собраний бедноты сельсоветами или другими организациями, кроме партячеек. Ячейка же должна проводить решения таких собраний «...через партийцев и бедняков, работающих в выборных органах (сельсовет, кооперация, земсоветы)» [25].

Все это приводило к тому, что собрания бедноты часто превращались в земельные сходы, заменяли собой земобщества, т.к. их решения считались окончательными и больше не рассматривались на деревенских сходах.

О том, зачем собрания бедноты были нужны органам власти, можно судить по результатам их деятельности. Например, по состоянию на 1 октября 1929 года «...по инициативе бедноты в районах спецкультур путем вынесения решения земельных обществ и по решениям судебных земельных комиссий произведено изъятие излишков земли против существующих норм у кулацких хозяйств. По имеющимся в Наркомземе данным, изъято у 465 хозяйств 2240 га, использованных для организации колхозов из бедноты и для наделения отдельных бедняков» [26].

В целом, органы партийной и советской власти уделяли достаточно большое внимание деятельности земельных обществ, пытаясь проводить через них свою политику. 7 июля 1927 года на заседании бюро Крымского обкома ВКП(б) специально рассматривался вопрос о работе земельных обществ. В принятой резолюции предписывалось усилить руководство со стороны парторганов деятельностью земельных советов и подбором их состава; разграничить функции сельсоветов, земсоветов, ревизионных комиссий и сходов; закончить оформление приема сельсоветами дел и функций земсоветов там, где границы сельсовета и земобщества совпадают; не допускать выделения зажиточной части деревни в самостоятельные общества и др. [27]. На пороге «великого перелома» земельные общества все больше втягивали и во внутрипартийную, и в классовую борьбу в деревне. В условиях обострения внутрипартийных разногласий в Крымском обкоме различные партийные группировки организовывали собрания земобществ, на которых принимались резолюции с требованиями отставки наркома земледелия Селима Меметова и оставления на ответственных постах Дерен-Айерлы и Вели Ибрагимова [28]. При проведении земельной реформы земельными советами составлялись списки очередности наделения землей, которые затем обсуждались на общих собраниях земобществ. Безусловно, это обостряло социальные противоречия между различными слоями крестьянства. Еще сильнее эти противоречия обострились при проведении заготовительной кампании 1929 года. Были случаи избиений председателей земельных обществ, уполномоченных по хлебозаготовкам. Зажиточные крестьяне срывают деревенские сходы, на которых обсуждались вопросы сдачи хлебных излишков государству, мотивируя свой протест низкими закупочными ценами. В то же время властные структуры требовали от земельных советов «принципиальности» и не допускали никакой «мягкотелости» в вопросах классового расслоения деревни. В июне 1929 года Наркомзем направил в Бахчисарайский РЗО предписание: «В земельных обществах, охваченных сплошным землеустройством, проверить состав земельных уполномоченных и если будет установлено, что уполномоченные недостаточно уделяют внимания вопросу земельной реформы и нечетко проводят классовую линию, то земельный совет немедленно переизбрать...» В том же году председатель Ибраим-Байского земобщества Симферопольского района был предан суду «за срыв посевкампании» [29].

В начале 30-х годов в ходе сплошной коллективизации земельные общества были ликвидированы, а их функции – переданы сельсоветам. Так закончилась недолгая эпоха реального крестьянского самоуправления. Вскоре гражданское общество было окончательно подчинено тоталитарному государству диктатуры пролетариата, которое через сельсоветы, партячейки, колхозы проводило свою политику в деревне. В условиях банкротства этой политики и поиска новых форм крестьянского самоуправления опыт земельных обществ 20-х годов XX века может быть полезен и актуален.

Источники и литература

1. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 611. - Л. 137, 138; - Д. 443. - Л. 73.
2. Там же. - Д. 728. - Л. 157; - Д. 611. - Л. 106; - Ф. Р-460. - Оп. 1. Д. 1329. - Л. 497.
3. Там же. - Ф. - Р-2732. - Оп. 1. - Д. 102. - Л. 2-4, 7-8.
4. Усов С.А. Историко-экономические очерки Крыма. Прошлое и настоящее Крымского сельского хозяйства. - Симферополь, 1925. С. 86, 88, 120, 134.
5. ГААРК. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 56. - Л. 3-3 об.
6. Там же. - Д. 53. - Л. 11,12 об.; - Д. 56. - Л. 7; - Д. 42. - Л. 3; - Д. 250. - Л. 2; - Ф. Р 29. - Оп. 2. - Д. 22. - Л. 13; - Д. 250. - Л. 80-81, 89 об.; - Д. 27. - Л. 24; - Ф. Р-1536. - Оп. 2. - Д. 6. - Л. 228.
7. Там же. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 250. - Л. 56. 61 об.; - Ф. Р-1536. Оп. 2. - Д. 6. - Л. 3, 6, 7, 19, 148, 153.
8. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 443. - Л. 69, 71, 73.
9. Там же. - Ф. Р-29. - Оп. 2. - Д. 56. - Л. 1.
10. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 389. - Л. 155, 166, 199.
11. Там же. - Д. 459. - Л. 180-184.
12. Там же. - Д. 611. - Л. 106.
13. Там же. - Д. 933. - Л. 52; - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 205. - Л. 31.
14. Там же. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 250. - Л. 3, 9, 21, 26, 34, 52, 53, 59, 62 об.
15. Там же. - Л. 75 об.

16. Там же. - Л. 3, 9 об., 10 об., 21 об., 49 об.
17. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 608. - Л. 171, 179.
18. Там же. - Д. 611. - Л. 305.
19. Там же. - Д. 443. - Л. 76.
20. Там же. - Д. 444. - Л. 64; Д. 386. - Л. 23.
21. Там же. - Ф. Р-1536. - Оп. 2. - Д. 6. - Л. 72, 73.
22. Там же. - Л. 45, 48, 68, 74; - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 574. - Л. 99.
23. Там же. - Ф. Р-1536. - Д. 6. - Л. 109.
24. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 612. - Л. 75; Д. 923. - Л. 27.
25. Там же. - Д. 485. - Л. 74, 75; - Д. 920. - Л. 94.
26. Там же. - Д. 923. - Л. 164.
27. Там же. - Д. 611. - Л. 261.
28. Там же. - Д. 459. - Л. 19-22.
29. Там же. - Д. 911. - Л. 54; - Ф. Р 29. - Оп. 2. - Д. 100. - Л. 124.